

УДК 1 (091)

СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Л.П. КАРСАВИНА

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализирован образ субъекта познания, сконструированный русским религиозным философом Л.П. Карсавиным в работе «Философия истории» в 1923 г. В историософской концепции Карсавина субъект познания предстает, как актуализированный и эмпирический «момент» высшего субъекта. В суждениях Карсавина, бытие и знание едины; историческое познание есть момент исторического процесса; историческое познание есть историческое творчество. В соответствии с такими тезисами, исследователь прошлого пребывает одновременно в трех состояниях: мышление – «бодрствование» – оценивание. Историк актуализирует в самом себе сущность исторического познания: с помощью герменевтической процедуры изучает культурно-исторический контекст события прошлого, рассматривает его как момент общечеловеческого развития и дает оценку его индивидуальной уникальности. Вживаясь в прошлое и ориентируясь на будущее, историк всегда находится в настоящем.

Ключевые слова: история, культура, философия, субъект познания, Л.П. Карсавин, мышление, ценность, ответственность, творчество.

Исследовательский посыл автора данной статьи сводится к анализу образа историка, рельефно высвеченному Л.П. Карсавиным в работе «Философия истории» (1923). Индивид, изучающий историческое прошлое, органично встраивается Карсавиным в его концепцию «всеединого субъекта» и предстает как актуализированный и эмпирический «момент» высшего субъекта.

Впервые это было подмечено В.В. Зеньковским, который усмотрел в философии истории Карсавина творческую силу и вдохновляющее действие идеи всеединства, смыкающей в живой связи категории «Всё» и «Ничто». Абсолютное в историософской концепции Карсавина имманентно идее исторической индивидуальности, идее культуры. Абсолютное и инобытие есть прежде всего «ключ» к систематическому охвату вопросов, волнующих автора. «Карсавин – историк, ему близка судьба человека в его постоянной зависимости и связи с тем, что “над” ним (Бог, Вечность, “Всеё”), и тем, что “под” ним (природа, временность, уносящая все в “ничто”», – пишет Зеньковский [5, с. 800].

Схожую оценку дают и современные исследователи философии истории Карсавина [1–4]. Исследователи солидаризируются, что Карсавин зачарован величавой перспективой, которая открывается ему в идее Всеединства, тем не менее он смело вводит понятие «Иного» в Абсолют. Такое соединение оказалось возможным в силу софиологического монизма. В метафизике истории Карсавина ничего не вызывает философских затруднений, всё укладывается единое и непротиворечивое целое. Карсавин выстраивает такую историософскую систему, в которой человек и космос, смыкаясь в единство в «тварном» бытии, соединяются и в «вечном». Так, И.И. Евлампиев подмечает пластичность исследо-

вательской позиции Карсавин, означающей всеединство динамичного и диалектического. Карсавин полагал, что «всеединство совершенно только тогда, когда в нем во всей полноте реализованы две противоположные тенденции – процесс *разъединения* целого на исчезающие элементы и процесс *соединения* этих элементов в абсолютную целостность», – пишет Евлампиев [4, с. 463].

Такая историософская позиция интересна в качестве ответа на полемику, которая велась в начале XX столетия в интеллектуальных кругах России и Запада вокруг вопросов о том, является ли философия самостоятельной сферой знания или она сводима только к методологии познания [3], важна ли философия истории как обобщающая мыслительная конструкция или только как рефлексия, связанная с историческим осознанием своего места в тотальности событий истории [9].

Карсавин выстраивает образ историка на основе принятия трех, на его взгляд, важных тезисов: бытие и знание едины; историческое познание есть момент исторического развития; историческое познание есть историческое творчество. В силу онтологически присущего ему стремления к постижению единства, исследователь прошлого пребывает одновременно в трех ипостасях: в состоянии мышления, «бодрствования» и оценивания. В семантическом арсенале Карсавина эти состояния именуются как «качествования моей душевности» [8, с. 36]. Мышление направлено на поиск фактов в их «стяженном единстве» [термин «стяженность» взят из лексики Николая Кузанского. – *Е.М.*], «бодрствование» создает готовность к новому знанию, оценивание сориентировано на вызовы современности.

Рассмотрим подробнее три образа исследователя прошлого, сконструированные Карсавиным.

Мышление субъекта познания, в интенции Карсавина, – это социально-психическая активность субъекта познания, направленная на поиск фактов и на организацию их в «стяженное единство». Стяженное единство, в терминологии Карсавина, означает знание актуализированное, доказательное, непротиворечивое, знание как самопознание. «В любом моменте мы раскрывает его (порядка моментов души. – *Е.М.*) отличные друг от друга качествования и их стяженное единство, как индивидуализирующийся в них и не существующий вне их момент ближайшего высшего порядка. Но это стяженное единство само есть момент следующего момента или самой всеединной души, реальный не в стяженности своей, а в своем всеединстве» [8, с. 51]. К процессу собирания фактов прошлого у Карсавина двоякое отношение. С одной стороны, это – процесс рутинный и чреватый опасностью заблуждений. Здесь Карсавин перечисляет типичные ошибки историка: из-за недостатка фактических данных он ограниченно понимает свидетельства прошлого; неправильно расценивает их; упускает какие-либо факты или «вычитывает» из текста более того, на что текст его уполномочивает. На взгляд философа, от подобного рода ошибок не свободен даже такой представитель ультра-строгой научности, как французский медиевист Ш.-В. Ланглуа. С другой стороны, процесс собирания фактов видится Карсавину сопряженным с эвристическими или художественными посылами, когда вдруг, внезапно и неожиданно постигается своеобразие исторического события или личности. «Определить, передать словами схваченное нами “нечто” мы не в силах. Мы можем только подвести другого к познанию его с помо-

щью жеста или описания нашего опыта. А познает ли другой или нет – от нас не зависит», – выражается Карсавин в сократовском духе [8, с. 65, 84].

Бодрствование субъекта познания, в интенции Карсавина, – это самопознание, «наблюдение» за своим мышлением, готовность субъекта к новому знанию, к пересмотру прежних представлений на вновь открывшиеся сведения. В основе познания исторического развития лежат непосредственные переживания самого субъекта. Тезис Карсавина таков: переживаю чужое развитие в себе и как свое, «...бодрствую в самом акте моего мышления, в качестве меня самого мыслящего. Нет во мне каких-то двух “я”, двух “сознаний”, двух предметов, но есть только один я, сразу и мыслящий, и бодрствующий, и вне мышления и бодрствования совсем себя не сознающий» [8, с. 35].

Оценивание субъекта познания, в интенции Карсавина, – это высказывание взвешенных суждений и осознание ответственности за них перед современниками. Карсавин критически относится к распространенному мнению о том, что историк должен быть беспристрастным, что он не должен и не может оценивать факты. Нельзя познавать без «любви» к познаваемому, считает Карсавин. Познание всегда есть любовь, а любовь означает предпочтение, выбор, оценку. «Если запретить историку оценивать, он перестанет познавать» [8, с. 236]. Субъективные склонности субъекта познания, даже его авторский произвол, – все это, в интенции Карсавина, есть не что иное, как проявление некоего момента всеединства, несмотря на, казалось бы, негативный оттенок, обладающего по своей сути абсолютной ценностью. Для Карсавина субъект познания есть одновременно и субъект развития. Субъект развития для него понятие далеко не отвлеченное, как например, «человек вообще». Субъект познания не существует вне всех «моментов» всеединого бытия, он неотривен от все моментов, не существует отдельно. Поэтому Карсавин именуется его «не просто единым, а всеединым или многоединым» [6, с. 41].

Пребывая в триединстве представленных состояний, историк изучает тексты прошлого, всегда ориентируясь на будущее, но принадлежит настоящему. Смысл такой триады состояний хорошо иллюстрируются словами самого Карсавина: «Всякий момент души есть она сама, в стяженности и потенциальности. Момент раскрывается как особая качественность, которой не было ни у одного из прошлых моментов и не будет ни у одного из будущих» [8, с. 48]. Главная задача историка – соприкоснуться с «душевностью прошлого», т. е. сосредоточиться на социально-психических проявлениях исторического материала, быть соучастным ему. Для этого следует изучать социальные группы, классы, народ, культуру, религию, право и т. д. В этом видится Карсавину единственная реальная возможность познать непрерывность развития человечества.

По наблюдениям Карсавина, исследователь нередко забывает о такой задаче и останавливается на предварительных работах. Под таковыми понимается собирание материала и констатирование внешних соотношений. Такой исследователь, на взгляд Карсавина, перестает быть историком, поскольку воспринимает исторический процесс разъединённо. Описывая внешний мир, выискивая границы убедительности и аргументируя свою научность выводами археологов, палеографов, этнографов и т. д., он уподобляется ученому. Суждения Карсавина сводятся к тому, что субъект исторического познания есть одновременно субъект исторического творчества. «Познание мною исторического субъекта есть мое соучастие в его самопознании, индивидуализация это-

го самопознания. Познание мною его самораскрытия, его деятельности есть мое соучастие в этом ее самораскрытии» [8, с. 192]. Ограничиваться «черной» работой над источниками – малоперспективное занятие. Историк должен актуализировать в самом себе сущность исторического познания, т. е. понять изучаемую им эпоху как момент общечеловеческого развития, и сквозь ее призму – понять само это развитие.

Отсюда и складывается карсавинская триада, отражающая единство задач историка: мышление, бодрствование, оценивание. Процесс мышления важен для поиска и обоснования новых фактов прошлого. Однако он неминуемо приводит к некоторому ограничению самой идеи познания, превращая ее во внешнюю норму, в традицию, в авторитет [7, с. 171]. Вот здесь и вступает в силу состояние «бодрствования», по Карсавину. В феноменологическом духе – это скорее поток сознания, активирующий мышление; в коммуникативном значении – это самореференция, наблюдение за правильностью своих рассуждений; в практическом смысле – это умение не заикливаться только на описании и конкретизации фактов, а вживаться в них, чувствовать регистр культурно-исторической атмосферы эпохи. Процесс оценивания выступает как сопереживание историческому прошлому, уже потенциально живущему в настоящем и в будущем. В таком смысле субъект познания есть всегда субъект развития и субъект творчества.

Список литературы

1. Бельчевичен С.П. Философия истории и культуры Д.С. Мережковского // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 3 (35). С. 19–30.
2. Виноградов А.И. Взгляды Л.П. Карсавина на субъект истории // Вестник Моск.о гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. 2010. № 2. С. 95–100.
3. Дёмин И.В. Осмысление истории как целостности в горизонте классической и неклассической философии // Философская мысль. 2016. № 2. С. 47–90.
4. Евлампиев И.И. История русской философии. М.: Высшая школа, 2002. 584 с.
5. Зеньковский В.В. Метафизика всеединства. Системы Л.П. Карсавина и С.Л. Франка // Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 790–801.
6. Карсавин Л.П. Избранное / сост., автор вступ. ст. Е.Л. Петренко. М.: РОССПЭН, 2010. 920 с.
7. Карсавин Л.П. Культура средних веков. Киев: Символ-Airland, 1995. 208 с.
8. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 352 с.
9. Михайлова Е.Е. Философия истории как мысль о мысли // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер.: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 7–11.

SUBJECT OF KNOWLEDGE IN L.P. KARSAVIN'S PHILOSOPHY OF HISTORY

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The subject of knowledge image was constructed by the Russian religious philosopher Lev Karsavin in his work «Philosophy of History» in 1923. In Karsavin's historiosophical doctrine, the subject of knowledge appears as an actualized and empirical «moment» of a higher subject. Karsavin believed that being and knowledge constitute unity: historical knowledge is the moment of the historical process, and it is inconceivable without historical creativity. In this perspective, the researcher of the past exists simultaneously in three states: thinking, «wakefulness», and evaluation. The historian actualizes in himself the essence of historical knowledge: with the help of the hermeneutic procedure, he studies the cultural and historical context of the past events, approaches it as a moment of universal human development and assesses its individual uniqueness. Living into the past and focusing on the future, the historian always exists in the present.

Keywords: *history, culture, philosophy, subject of knowledge, L.P. Karsavin, thinking, value, responsibility, creativity.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru